

Моему мужу Диме и моей подруге Олесе —
первым читателям этой книги,
без которых я не смогла бы ее дописать,
а также моим родителям:
отцу, научившему меня любить науку,
и маме, которая просто всегда в меня верила.

Пролог

Тhese dreams are not mine*.

Мне приходится повторять это про себя всякий раз, как я закрываю глаза. Иногда я слышу это даже во сне — или говорю. И тогда кто-то вдруг произносит эти слова вслух, пробираясь между розоватых теплых стволов, уходящих к небу.

Белое солнце уже скрылось, но красное еще висит над лесом, бросая длинные багровые тени поперек тропы. В короткий час между дневной жарой и ночным холодом его отсветы ложатся на всё вокруг, и мир кажется залитым теплой живой кровью.

Сквозь гладкую кору хондров проступают узловатые жилы, по которым течет густой алый сок. Если положить ладонь на ствол, можно почувствовать, как жилы пульсируют — доверчиво и незащитно, как ямочка в середине груди между ребрами, куда помещаются только два моих пальца, средний и безымянный. Но у меня нет рук, чтобы это почувствовать.

Я втягиваю воздух; в голову ударяет резкий запах свежей смолы и перьев. Тропа уходит направо, я сворачиваю налево, петляю, чтобы не потерять след. Деревья здесь растут гуще. Сквозь кроны едва пробиваются последние лучи красного солнца, ничего уже толком не освещая. Но я всё равно нахожу то, что ищу. В багровых сумерках глубокие царапины на хондровых стволах кажутся рваными ранами; алая смола запекается по краям, не давая дереву истечь соком.

* Это не мои сны (англ.).

Я знаю, что означают эти царапины, хотя вижу их впервые: на закате сюда приходят пастись глоки.

Острые боковые перья вспарывают кору. Мощные синеватые клювы раскрываются, ловя густые теплые капли. Но смола хондра быстро затвердевает, и глокам приходится переходить к новому дереву. Несмотря на размеры — взрослый глок больше и выше меня раза в полтора, — двигаются они бесшумно и быстро. Выследить их можно только по кровавому следу, который они оставляют на хондровых стволах.

Судя по обилию царапин на разной высоте, я иду по следу самца с птенцами. Едва оперившихся глоков выводят пастись самцы — подальше от гнезда, чтобы самка могла набраться сил в безопасности. Боковые перья взрослого самца достигают метра в длину и легко разрезают даже кость; трехгранный клюв пробивает ствол дерева насквозь. Но каждый птенец — это два-три толла нежного мяса и целый мешок разноцветных шелковистых перьев, из которых плетут одеяла, чтобы согреться ночью.

Впереди за деревьями чуть слышен клекот: птенцы еще совсем маленькие и не приучены пить бесшумно, как взрослые. Это значит, самец настороже. Его надо заметить первым, иначе охота закончится быстро и не в мою пользу.

Осторожно обхожу прогалину, на которой пасутся птенцы. Глоки не чувствуют запахов, но отлично слышат малейшие шорохи. Клекот раздается совсем близко, прямо за толстым стволом справа от меня. Запах теплых перьев заполняет меня целиком, заслоня весь остальной мир. Я делаю шаг вперед — и чувствую, как мое плечо скребет по стволу: шшш-шшш-ш...

Тело разворачивается само — так резко, что я с трудом удерживаю равновесие. Взрослый самец стоит прямо передо мной, склонив голову набок и подняв длинные боковые перья со стальным отливом. Клекота больше не слышно: птенцы наверняка уже сгрудились под деревом, топорща перья и раскрывая острые трехгранные клювы. Убежать они еще не могут, так что самец будет атаковать.

Fuck.

Боковые перья со свистом разрезают воздух. Я едва успеваю отскочить, натыкаюсь спиной на дерево, падаю, откатываюсь в сторону — мощная когтистая лапа вспарывает землю, рассекая корни. Вскикиваю, путаясь в конечностях; перья самца мелькают прямо перед моими глазами. Отшатываюсь — и опять натыкаюсь на дерево за спиной. Самец не случайно привел свой выводок на эту прогалину: он знает здесь каждый кустик.

Взрослый глок с головы до лап покрыт густыми жесткими перьями, скользкими и упругими, как хорошая броня. Единственное его слабое место — голое, в сизых кожистых складках горло. Чтобы метнуть легкое костяное копье в просвет между пурпурным воротником из перьев и тяжелым бронебойным клювом, нужно одно мгновение — но у меня нет ни копья, ни мгновения.

Тошнотворный свист боковых перьев раздается прямо над ухом — едва успеваю сползти по стволу вниз. В тот же миг над моей головой с сухим треском лопается кора хондра, и густая багровая жижка заливает мне глаза.

Я перестаю видеть почти сразу.

Без зрения и копья против взрослого разъяренного самца у меня практически нет шансов. Мы оба это знаем. Птенцы, пока маленькие, пьют сок хондрового дерева, а вот взрослые особи уже всеядны. Свою добычу они убивают ударом клюва, раскалывая череп, как скорлупу яйца.

Я всё еще не слышу, что глок делает, но могу попытаться представить. От того, насколько точно я угадаю, что происходит сейчас в его маленькой костяной голове, зависит моя жизнь.

В оглушительной багровой тишине, до краев наполненной удушающим запахом перьев, есть только биение моего сердца: один, два, три. Пожалуй, хватит.

Бросаюсь влево. Чувствую, как острая грань клюва скользит по черепу, разрезая мне кожу. Глухой удар — трехгранный клюв входит глубоко в ствол дерева, там, где только что была моя голова. У меня появилось мгновение.

Рывком поднимаю голову — и смыкаю челюсти на складчатом кожистом горле.

Самец дергается всем телом, но я не разжимаю зубов, только уворачиваюсь от когтистых лап, которыми он молотит перед собой. Мой рот наполняется горячей сладковатой кровью, уши — отчаянным хриплым клекотом. Когти глока все-таки пропарывают мне ногу, но он уже слаб, кожистое горло дрожит под моими зубами. Наконец, я слышу хруст — и его тело разом обмякает, становясь неподъемным. Я теряю равновесие, и мы валимся на землю.

Глок не шевелится. Я осторожно разжимаю челюсти. Трюсь мордой о перья, счищаю застывшую смолу, разлепляю веки. Начинаю видеть.

На перепаханной земле передо мной лежит туша роскошного пурпурно-сизого самца. Радужные глаза раскрыты и устремлены туда, где под деревом сбились в дрожащую кучу три едва оперившихся птенца.

Я выпрямляюсь. Открываю пасть. Длинным раздвоенным языком пробую воздух между нами; он сладкий на вкус — такой же, как кровь только что убитого самца.

Припадая на раненую ногу, делаю шаг вперед.

Старший птенец заслоняет собой младших, поднимает боковые перья — но они еще тонкие и шелковистые, как и всё детское оперенье.

Острое счастье охватывает меня. Мой враг повержен. Всё, что у него было, теперь мое. Сейчас я выпью его кровь и уничтожу его потомство.

Но эти сны — не мои. Там, на Земле, мы же не были убийцами. Ни один из нас. Или были?

Глава 1

ЭШТОН

— **Т**hese dreams are not yours*, — врач наклонился к Мие с улыбкой профессионального сочувствия, и умный интерфейс немедленно перевел его слова на паназиатский.

Специалист такого уровня мог бы вести прием на языке, который использует большинство населения, с раздражением подумал Эштон. Тем более за такие деньги.

— Но я понимаю ваше беспокойство, — бросив цепкий взгляд на Эштона, врач перешел на паназиатский. Судя по отсутствию акцента, это и был его родной язык. — В вашем положении многие вещи вызывают дискомфорт. Если вам удобнее вести разговор на языке вашего семейного наследия, мы можем говорить на английском.

Мия растерянно улыбнулась. Эштон кашлянул. Их англоязычное семейное наследие состояло из его прабабушки по отцовской линии: в рамках обучения винтажной синтетической музыке она разобрала со своим младшим внуком, отцом Эштона, песенку 2010-х годов про член, который был так велик, что искажал пространство и время. Этого словарного запаса вряд ли хватит для обсуждения нынешней ситуации, но так записано у них в карте: обеспеченный средний класс, гетерогендерная нуклеарная семья, англоязычное семейное наследие. Историческая связь с национальными микрокультурами — обязательный признак семьи с высоким уровнем образования и дохода.

* Это не ваши сны. (англ.)

— Я просто хочу показать, что у вас есть разные опции, — мгновенно сориентировался врач.

Скорость реакции и легкость, с которой он читал их с Мией как пару, вызывала у Эштона острое чувство профессиональной ревности. Мысленно он поставил врачу 95 баллов из 100 за установление контакта с пациентом и снисходительно похлопал его по плечу. Стало немного легче. Но в следующий момент врач обернулся и сверкнул гордой мальчишеской улыбкой — так, будто прочитал и эти мысли Эштона тоже.

Эштон вяло улыбнулся в ответ:

— У нас есть разные опции?

— Кроме одной, — Мия сказала это так резко, что Эштон и врач слегка подпрыгнули.

Врач повернулся к Мие с выражением вежливого удивления. Но она смотрела на мужа: в упор, исподлобья, чужим острым взглядом, который, как лазерная указка, выжигал между ними в воздухе тонкую, почти что видимую дорожку.

Эштон встал, подошел к гинекологическому креслу и заботливо положил ладонь жене на плечо — чтобы не видеть этого взгляда.

— Вряд ли в ближайшие лет десять будет новый референдум по абортам, — с шутивным вздохом произнес он.

Удивление на лице врача сменилось таким же шутивным пониманием.

— Двадцать как минимум, — врач развел руками, как бы извиняясь за несовершенство шести континентов. — Демографическая необходимость, вы же понимаете... Особенно в свете участвовавших Переносов.

— Мне снится, что он задыхается, — упрямо перебила его Мия. — Захлебывается и...

Она снова посмотрела на Эштона — совсем другим взглядом, испуганным, беззащитным, — и замолчала. Они никогда не говорили об этом. С тех пор, как Мия узнала, что беременна, они вообще ни о чем не говорили.

— Ребенок не может утонуть в околоплодных водах, — улыбнулся врач. — Он там дышит. Хотите послушать?

Они ответили разом, синхронно, так что ответы слились в одно слово, состоящее из двух слогов, намертво наложенных друг на друга: «Нет/Да». Эштон знал, чей слог будет его, а чей Мии, еще до того, как это двуглавое слово вырвалось и повисло в стерильной тишине кабинета. Врач взмахнул рукой, как бы отгоняя от себя новорожденного лексического уродца, и доверительно наклонился к Мие.

— Вы не поверите, сколько пар приходят сюда с точно такой же тревогой. И всем я говорю одно и то же...

Мы не «все», с яростью подумал Эштон. Иди ты к чёрту со своим «одним и тем же». Что ты вообще знаешь о нас, о том, через *что* мы прошли, как зачали этого ребенка, не смотря на...

— Хотите узнать предполагаемый пол?

Эштон почувствовал, как плечо Мии под его ладонью окаменело. Она всё так же полулежала в кресле, но теперь всё ее тело было напряжено до предела — даже ресницы, даже прозрачный пух на щеках. В этом состоянии она никак не могла произнести свою часть их двуглавого слова, поэтому Эштон глубоко вздохнул и сказал за двоих:

— Да.

Они встретились на юбилее супружеской пары; ни он, ни она никого из них толком не знали. Эштону притащил приятель, имевший виды на одного из супругов и нуждавшийся в спутнике для отвода глаз. Мию позвал парень, с которым она переписывалась в приложении для сексуально активных одиночек; предполагалось, что они выпьют по бесплатному коктейлю, потрахаются в гостевом туалете и разъедутся по домам.

Так бы и получилось, но оба гостевых туалета были заняты, а в хозяйский стояла очередь из подвыпивших гостей, демонстративно засекавших время всякий раз, как за очередным страждущим закрывалась дверь. Эштон простоял минут двадцать, глядя на кучерявую рыжую макушку с тремя ярко-зелеными прядями, которая приплясывала перед

ним в такт музыке. В руках у рыжей макушки, переливаясь через край, раскачивались два разноцветных коктейля.

Когда подошла ее очередь, она оглянулась вокруг, ища кого-то глазами, не нашла, с сомнением задержала взгляд на Эштоне, потом подняла оба коктейльных бокала — и дернула головой в сторону освободившегося туалета. Скрученная в пружину ярко-зеленая прядь упала ей на глаза и зацепилась за ресницы. Эштон так хотел, наконец, отлить, что взял у нее из рук липкий холодный бокал и вошел следом.

— Оптом быстрее! Засекайте, — крикнула макушка и захлопнула эргономичную дверь, задушив возмущенные возгласы очереди.

Голос у нее оказался низкий и прохладный, как стакан воды в летнюю ночь. Как бессмысленный разноцветный коктейль, который плавился у Эштона в руке, пока он смотрел, как она отхлебывает из своего бокала, морщится, ставит его на раковину, а потом легко задирает платье, стягивает трусы и садится на унитаз.

— Прости, я иначе лопну, — сказала она, и Эштон, спохватившись, поспешно отвернулся, расплескав на рубашку половину своего коктейля.

Подняв голову, он обнаружил, что стоит лицом к зеркалу, откуда на него внимательно смотрят смеющиеся глаза.

— А ты упорный, — фыркнула она, шурша скомканным подолом над голыми веснушчатými коленками. — Как тебя зовут?

Первый год они занимались сексом везде. В парке, на пляже, в аэротакси, в туалетах ресторанов и пневмопоездов, которые несли их в отпуск на другой конец мегалополиса. В гостях у друзей, где хозяйка со смехом запирали все туалеты на ключ, чтобы успеть пообщаться с ними. В дизайнерской гостиной у родителей Эштона, куда он привез Мию знакомиться, — за пару недель до свадьбы.

Он хотел ее постоянно: даже когда принимал пациентов у себя в кабинете, даже когда спал. Мия снилась ему каждую

ночь — хотя и лежала рядом, закинув на него ноги и руки, голая и горячая, как галька на диком пляже. Во сне она обхватывала губами его член, цепляясь ресницами за волосы у него на животе. Наяву Эштон проводил пальцами по ее бедру — и Мия, не просыпаясь, разворачивалась и вся раскрывалась ему навстречу. Тогда он осторожно нащупывал языком ложбинку у нее под грудью, между ребрами, слушал, как бьется там горячий источник, и чувствовал, что, когда входит в нее, то погружается — прямо туда.

Потом, когда она вышла из клиники после реабилитации, ничего этого в ней больше не было. Она ждала его на ресепшн, мягкая, будто из пластилина. Эштон взял ее за руку и тут же отпустил, испугавшись, что помнет ей пальцы. Ее отросшие волосы были собраны в хвост; выцветшие зеленые пряди едва проступали в них, как водоросли в мутной воде. Эштон поднял ее чемодан и направился к аэротакси, а Мия послушно пошла следом, как сенсорная собачка, реагирующая на движение.

В такси он повернулся к ней — и тут же забыл, что хотел сказать. Ее лицо было совсем близко, но Мия смотрела на него издалека, словно со дна глубокого озера, сквозь толщу воды, которая не давала ей всплыть. Эштон потянулся за ней туда, в глубину, — и почувствовал, что задыхается. Там, где она теперь была, он не мог дышать.

Прошло полгода, прежде чем Мия начала всплывать к нему на поверхность.

В ней всё еще не было ничего из той, прежней жизни, в которой она учила его прыгать в воду прямо с крыши аэротакси, зависшего над озером, отплевываясь, выбираться на мелководе, стаскивать друг с друга липнущую к телу одежду, ложиться на спину и чувствовать, как нежное илистое дно расступается под твоим весом, а потом обнимает и забирает себе без остатка.

Они больше не ездили на озеро и вообще редко выходили из квартиры. Мия почти всё время сидела в гостиной, спиной